

Дорогой товарищ Сталин,

до этого времени я думал, что события, связанные с вскрывшейся деятельностью зиновьево-троцкистов не могут меня задеть, ибо я убежден, что я своей работой, а не словами доказал свою преданность линии партии и ее руководству. ^{меры} по отношению к "Известиям" уже затронули меня. Расформирование ^{ред.} коллегии, непечатание моих статей говорят коллективу редакции, что я нахожусь под знаком вопроса. С этим фактом я не могу не считаться, не могу притворяться спокойным и безразличным. Это было бы разыгрывание недостойной комедии перед Вами.

Я не буду повторять заверений о моей верности линии и Вам как руководителю партии. Во первых слова теперь значения не имеют, во вторых я убежден, что Вы не имеете сомнений насчет моей искренности. Но Вы, ^{Вам может} ~~наверно~~, придерживаетесь взгляда на меня как на литератора с богемскими наклонностями, который мог относиться недостаточно серьезно к организационным делам и людям.

Своей возможности работать на видном месте, как я думаю, с пользой для партии и страны, я после возвращения из ссылки обязан исключительно тому, что Вы оказали мне доверие. Поэтому я считаю своим долгом отчитаться перед Вами и показать, что я не ^{злоупотребил} ~~подвердил~~ Вашего доверия.

Я, как Вам известно, организационно работал в "Известиях" и в БМИ. За общее руководство Известиями и за их аппарат я не несу ответственности ^{т.об.} ибо никакой коллегии с момента прихода Бухарина не существовало, и по этому вопросу между мной и Бухариным происходила постоянная борьба. Об этом знают гг. Стецкий и Таль, об этом я сказал в Райкоме при обмене партдокументов. Но я несу ответственность за Иностраный отдел Известий. О состоянии Отдела я написал докладную записку для комиссии тов. Ежова и эту записку я прилагаю. Убежден, что никто не сможет, оставаясь в рамках фактов, мне сделать упрек в неправильном и небрежном отношении к этому

аппарату. Считаю этот аппарат наилучшим в составе "Известий".

Что касается БМИ, то Вы знаете, что ни один политический сотрудник БМИ не миновал секретариата ЦК или Оргбюро. Это, понятно, не снимает ответственности с меня, ибо большинство сотрудников предлагал я, а насчет Тивеля, то получив его в наследство аппарата ЦК снятия его из Отдела не требовал, или точнее говоря, не требовал достаточно энергично.

Как увидите из докладной записки о аппарате БМИ, я, не имея никаких причин подозревать Тивеля в непартийности, как его не подозревали и т. Таль, знающий его со школьной скамьи - он только что поручил ему надзор над иностранной частью журнала "Большевицкая Печать" и т. Стецкий, поручивший ему надзор над иностранной ~~частью~~ частью "Большевика" - я возражал против назначения его секретарем БМИ. Я выдвигал против него упрек, что он недостаточно серьезный, недостаточно тщательный партийный работник и выдвинул против него кандидатуру Боровича. Вы меня тогда, это было на заседании Политбюро в мае 1933 г. поддержали. Секретарем был назначен т. Борович, Тивель был только редактором переводов. Когда Борович был взят на ответственную разведательную работу и Тивель был назначен секретарем, то я, не будучи в состоянии это лично отменить, решил ближе к нему присмотреться. Когда я убедился в его небрежности, я обратился к т. Ежову и в присутствии т. Шкирятова просил подыскать другого секретаря. Раньше еще я говорил с т. Аграновым, прося выдвинуть в секретари отдела серьезного, проверенного чекиста. После доклада т. Ягоды на последнем Пленуме ЦК я попросил свидания у т. Ягоды и указывал ему на хранение у нас оппозиционной литературы, которую часто переводим для ЦК, просил дать мне из аппарата НКВД секретаря, обеспечивающего от каких бы то ни было сюрпризов. Я указывал на то, что лично не в состоянии следить за размножением переводов, ни за хранением материалов из библиотеки, ибо должен же я в первую очередь разрабатывать литературу. Все это показывает Вам, что Тивель не только не пользовался моим покровительством, но что наоборот я делал все, чтобы обеспечить аппарат человеком, заслуживающим больше доверия чем Тивель.

Предвосхищая приложенные две докладные записки об аппаратах Иностр. отдела "Известий" и БМИ, я должен Вам сказать, что не вижу за собой никакой партийной вины в смысле какой бы то ни было ~~вины~~ небрежности по отношению к троцкистско-зиновьевской опасности.

Я очень прошу Вас, товарищ Сталин, как бы Вы ни были заняты, обе приложенные докладные записки, прочесть.

Решение Вы будете принимать, понятно, с точки зрения общей и я не могу ~~хотеть~~ повлиять на него. Но Вы же знаете, что кровавая вина течения, к которому я когда то имел несчастье принадлежать, не исключает ведь возможности, что отдельные люди порвали с ним решительно и искренне.

Я хотел Вам только изложить те факты, которые доказывают, что нельзя меня обвинить в небрежности, вытекающей из недооценки опасностей. Все прочее в Ваших руках.

С сердечным приветом

*Ваш
Карл Радек*

Москва 14.8.36.

Я собирался отослать Вам это письмо, когда прочел сообщение прокуратуры о предстоящем процессе. Мысль о том, что я теперь должен молчать для меня невыносима ~~ихиихихих~~ Такое молчание не только политически убивает, но позорит семь лет моей работы. Поэтому прошу разрешения выступить со статьей в "Известиях" или "Правде". Я не думаю о какой то покаятельной статье, не имею причины каяться, а о статье, которая показывает исключительность этого случая не только в революционной истории, но даже в истории контрреволюционных движений. Подобные вещи можно найти только в истории борьбы феодалных кланов за престол, или в истории иезуитского ордена.

Докладная записка об аппарате БМИ.

БМИ создавалось как информационный центр с довольно широкими заданиями. Первый его статут, принятый Политбюро, предвидел не только информацию, научную разработку вопросов, но в случае необходимости и посылку особых товарищей для изучения положения в отдельных странах. Оно имело право пользоваться секретным материалом НКВД, ИноГПУ и Разведупра. Поэтому, когда т. Стецкий выдвинул в мои заместители /а заместитель должен был держат в руках весь аппарат/ Тивеля, основного работника бюро Стасовой, я возразил против этого, выдвинув кандидатуру старого работника Разведупра, т. Боровича, имеющего большой конспиративный опыт, прошедшего гражданскую войну и с партийной стороны дававшего полную гарантию. Это было принято и до 35 г. Борович сидел на аппарате БМИ, полностью справляясь с порученным ему заданием. Тивель был редактором переводов. Ни ^{го}одна доклад^а для П.Б. я ему не доверил, не считая его знатоком какой бы ни было области международной политики. Он не имел никакого отношения к конспиративным материалам.

Мое отношение к Тивелю определялось тем, что я его знал с 18-го года. Он поступил в Октябре 18-го года машинистом в Отдел советской пропаганды при ВЦИК'е, в котором брат его, писатель Левидов, работал референтом по иностранной прессе. Тогда, понятно, я знал его очень поверхностно, он был мальчишкой, но в период 20-23 гг., когда он работал в секретариате Зиновьева и Восточном отделе ИККИ, я его чаще встречал и считал его своро соображающим человеком с симпатиями для нас, для революции, но не связанным органически с нами ни мировоззрением, ни настоящей связью с народной массой. Из периода борьбы троцкистов 23-24 гг. я ничего не помню о нем. В период возникновения троцкистско-зиновьевовского блока он работал в Ленинграде и я его ни разу не видел. Когда на чистке 33 г., он путанно рассказывал свою идейную биографию и т. Стасова его защищала, я выступил против него, указывая, что он мог только потому до 26 г. оставаться вне партии, что не был с ней коренно связан, что представлял собой тип мелкобуржуазной, богемской революционности. Я тоже заявил о своей неудовлетворенности его попыткой представить его работу в секретариате Зиновьева, как чисто техническую. Если, несмотря на это, я не требовал настойчиво снятия его с работы БМИ, а только не хотел доверить ему организационных работ, то я руководился при этом убеждением,

что человек, работающий много лет в секретном отделе ЦК не только проверен, но связан с соответственными нашими учреждениями. Поэтому когда моя просьба заменить Тивеля серьезным чекистским работником на посту организатора БМИ у тов. Ежова не дала результатов, я обратился прямо к тт. Агранову и Ягоде. Смысл этого обращения был ясен: считаю Тивеля вашим работником, но недостаточно серьезным. Дайте серьезного чекиста на эту работу. Я про все это ~~никаки~~ не говорю для того, что я имел когда-либо малейшее предчувствие, что он может быть связан с зиновьевцами и троцкистами, или тем более, что он может на них работать. Это последнее мне и в голову не приходило и из вышеуказанных формальных соображений, ~~и~~ потому, что считал его устроившимся революционным обивателем, неспособным ни к какому политическому риску.

Состав БМИ состоял из двух частей: состава технического, который переводил, размножал, держал в порядке библиотеку и т.д. и из состава политического. Первый был подобран почти исключительно Боровичем из работников прошедших школу ГПУ. Такой является Бортновская, была ^{сестра} ~~Жуковская~~ Жуковская, бывшая сотрудница Бокня. Эту последнюю пришлось снять, ибо, несмотря на чекистскую школу, она кому то рассказывала о каком-то смешном иностранном письме на имя тов-ва ^{техническими} Сталина, которое она переводила. Со всеми другими работниками, прошедшими соответственные проверки, никаких затруднений не было.

Подбор политических референтов был очень труден. Они должны были иметь большие знания в конкретной области международной политики и одновременно заслуживать полнейшего политического доверия. ^{Это доверие заслуживает полностью} т. Зарецкий, мальчиком перешедший из Западной Белоруссии на нелегальную работу, державшийся прекрасно в тюрьме, идейно устойчивый, теоретически напряженно работающий, товарищ который в эти несколько лет работы в БМИ вырос в прекрасного знатока Франции.

*Найти Мошеи
де Гиттера, от
ста эти
калесава, от
труска.*

Наш японист т. Жуков получен нами из ленинградского ГПУ. Об'единяет хорошее знакомство с японским языком с глубоким теоретическим ~~являющ~~ интересом. Но он в бою никогда не был. За ним не числятся никакие уклоны, он делает впечатление вдумчивого партийца, понимающего хорошо партийную линию, но повторяю я его в бою не видел. Ценность его для нас как япониста исключительная. Я не знаю среди наших японистов равной ему пронизательности. Он пишет теперь историю Японии на японских источниках. Именно потому, что считаю долгом подчеркнуть, что не знаю достаточно его партийное лицо, обращаю особенное внимание на его ценность как япониста. К нему можно и надо сто раз приглядеться, но было бы большим упущением его как япониста потерять из виду. Если он не вызовет никаких политических сомнений, то

благодаря знакомству и отношений и людей в Японии /бывало что Разведупр не нашедши в своих материалах характеристики того или другого политического деятеля в Японии, запрашивал у меня и Жуков всегда умел дать толковый ответ/. Это не ведомственный японист, а такой, какой нужен ЦК.

Иозальсон - он после Варги лучший у нас знаток международной экономики. Но, как показывает его партийная учетная карточка, это не кадровый человек большевистского движения. Я не хочу сказать этим, что считаю его двурушником, но это не боевой человек. При нелегальном положении он был бы симпатиком, а не членом партии. Так его оценивают видно проверочные партийные организации. При обмене партдокументов ему делали долгие внушения. Он выходил из всех своих партийных конфликтов целым, дело кончалось только партийным выговором, потому что его считали полезным как грамотного экономиста и не связанного ни с какими антипартийными группировками.

Тов. Аквила - венгерский коммунист. Работал в Коминтерне с 20 года. Он знает хорошо Италию, Германию, Балкан. Он лучший у нас знаток итальянского фашизма. Никогда за всю историю Коминтерна не был связан ни с какими уклонами. Но тоже не был в серьезных боях. Это книжный работник, хотя с большим политическим чутьем.

Из двух наших референтов, не входящих в аппарат БМИ, но пишущих для него доклады Танин был снят по указанию соответствующего учреждения под подозрением связи с братом, живущим во Франции, человеком имеющим какое то отношение к военной промышленности. По выяснению, данному мне соответствующим сектором ЦК, он не обвинялся в каких-либо услугах, оказанных брату, а в том, что построил себе якобы дачу на деньги, данные ему братом. Он доказал, что брата не видел важеться с 22 г., что никакой дачи не имеет, что за две комнаты, которые ему принадлежат на даче, построенной кооперативом он уплатил /какие-то 1500 рб./ ежемесячными взносами за пять лет до приезда его брата в СССР. Несмотря на это я не протестовал его снятия, хотя т. Таль, у которого он работал в "За Индустриализацию" много лет, ценил его и доверял ему. Я не протестовал потому, что людей находящихся под подозрением незачем держать в аппаратах ЦК. С работы "За Индустриализацию" Танин не был снят, партийных взысканий он за это дело не имел. Но два месяца спустя он был арестован со всем иностранным отделом "За Индустриализацию" / Виленчук и Юрин/. В чем обвинялся мне неизвестно. Когда я в свое время просил у Вас письмом разрешения взять как внештатного референта Танина, я Вам указал, что он был исключен из партии в 30 г. за то, что работая в Иностр. отделе "Правды" при Бухарине, он после снятия Бухарина с "Правды" ~~он~~, в партийном коллективе выражал свои ~~симпатии~~ симпатии Бухарину. Фракционная работа ему не вменялась в вину. Ему было разрешено работать в "За Инду-

стриализацию", писать за своей подписью. Он работал пропагандистом на одном из крупных заводов, куда был прикреплен Райкомом, получил прекрасный отзыв ячейки завода и партийной организации "За Индустр." Для БМИ работал усердно, прорабатывал громадную литературу об Америке. Его высказывания по партийным вопросам в разговорах с сотрудниками БМИ и со мною никогда не вызвали ~~каких~~ в нас сомнений.

Эбель - венгерский коммунист, член ВКП /б/. Многолетний сотрудник ТАСС-а, один из лучших у нас знатоков балканских стран, ушел из ТАСС из-за здоровья, - не мог работать по ночам - написал для нас несколько рефератов, но нам предложили не использовать его, без объяснения причин. Но он остался в партии и работает в нашей прессе.

Сказанного достаточно, чтобы показать, ~~как~~ на те громадные затруднения, с которыми имеем дело при подборе работников для БМИ. У нас очень узенький кадровый состав специалистов по международным вопросам. Вдобавок круг людей, которые у нас за последние годы выдвинулся в качестве международников в большинстве не политики, знают маленький кусок вопроса, не умеют связывать явления, поэтому наши газеты так слабы в международной области. Поэтому приходится привлекать иностранных коммунистов. Проверка их очень трудна, трудно узнать как они ощущают нашу обстановку, им чуждую.

Если вопрос идет о подборе людей для БМИ в будущем, то надо в Бюро держать только 5-6 человек, обеспечивающих чтение мировой прессы и важнейших книг для наметки тем и переводный аппарат. Большинство докладов надо заказывать вне аппарата ЦК.

К. Рада

14/8.

Товарищам Ежову, Талю, Мехлису, Стецкому.

Копия товарищу Сталину.

В виду предстоящей реорганизации аппарата "Известий", я как член коллегии ответственный за Иностраный отдел, повторяю письменно сообщение, сделанное устно тов. Талю.

1. Характеристика главных сотрудников отдела:

а/ Заведующий отделом т. Ковальский назначен по моему предложению в отдел печати ЦК. Партийно выдержанный, ни в каких оппозициях не был. Выдвинулся особенно как корреспондент ТАСС и Известий в Варшаве. Отличается способностью к быстрой политической ориентации. Недостаток: знание только центрально-европейских дел. При условии серьезной работы по обогащению своего знания развернется в хорошего заведующего и хорошего публициста. Не имеет еще достаточного авторитета. Нуждается в сильной поддержке редакции, но может быть заведующим отделом.

б/ Тов. Ихок, бывший заведующий Иностраным отделом "Правды". Один из основных работников Интасс, знает хорошо за границу, следит особенно за англо-саксонскими странами. Партийно: в мою бытность в "Известиях" он принимал живое участие в жизни партийной организации. Чуткий товарищ. Линию партийную усваивал и защищал. Никаких колебаний в проведении партийной линии у него не замечал. Недостаток его: уже не молод, утомляется, особенно ночной работой, работает медленно.

в/ Тов. Розенблат - беспартийный, вполне советский человек. Никогда не замечал у него настроений, взглядов, направленных против политики партии и советской власти. Работает в советской печати с самого начала революции, был многократно в заграничных командировках. Неутомимый газетный работник. Интересуется специально международными экономическими вопросами. Пишет ясно и популярно. Если бы был членом партии, мог бы быть самостоятельным заведующим. Незаменимый работник отдела.

г. Тов. Канер, новый человек в отделе. По предложению т. Ковальского взят нами из "Ленинградской Правды" с согласия Отд. печати ЦК, из за ликвидации самостоятельного Иностр. отдела в "Ленингр. Правде". Рекомендован как вдумчивый, серьезный газетный работник товарищем Быстряским, который много лет совместно с ним работал.

д/ Тов. Ралов, окончил парижский университет, был членом французской компартии откуда перешел в ВКП /б/. Взят нами с одного из московских военных заводов, где был редактором заводской газеты. Знает ряд европейских стран. Талантливый, но еще зарывающийся. Партийный облик его из-за короткости пребывания его в отделе мало известен. Партвзысканий за уклоны не имел. После короткой работы в отделе тяжело заболел. Когда брат его, Тивель, был арестован, Ралову по моему предложению, отпуск редакцией продлен в ожидании выявления виновности брата в антипартийных действиях и до выяснения степени идейной и бытовой связи с братом.

Если в данный момент родство с Тивелем бросает тень на Ралова, то в момент привлечения Ралова на работу в "Известия" оно, наоборот, было в пользу Ралова. Ибо, хотя я, чего никогда не скрывал, невысоко ставил Тивеля как партийца, то с точки зрения отношения к антипартийным уклонам и контрреволюционным организациям считал Тивеля многократно проверенным аппаратами, контролирующими прием сотрудников в секретный отдел ЦК. Это мое мнение косвенно подтверждалось и тем, что Тивеля привлекали к сотрудничеству в серьезнейшие наши партийные органы.

ж/ Рудольф Гаус /Гаусшильд/. Привлечен по моему предложению. Сын рабочего. С 14-го года ~~член~~ член Союза социалистической молодежи в Германии. Член Союза Спартака, привлекавшийся за антивоенную агитацию. Освобожден из тюрьмы революцией 18-го года. Работает в коммунистическом движении Германии с самого ~~начала~~ основания как организатор, агитатор, пропагандист. В 1921-23 один из организаторов красных сотен. Много работал над собой теоретически /в 31 г. выпустил книгу "Гегель или Маркс"/. Сотрудник партийной прессы /Инпрекор/. С момента усиления фашистского движения, один из основных работников антифашистской партийной разведки. Несмотря на свою связанность с одним из основных районов брандлеризма, с Саксонией, принимал деятельное участие в борьбе против Брандлера. Принимал деятельное участие в борьбе против троцкизма, особенно в Нейкельне. Эти информации о Гаусе дал мне покойный тов. Геккерт, который знал Гауса с первых его партийных шагов и рекомендовал мне его горячо для БМИ. Я не предложил его в аппарат ЦК по трем причинам: боялся чересчур увеличить количество иностранных товарищей в БМИ, боялся поставить на германскую информацию немецкого эмигранта, склонного естественно ожидать более скорых темпов, чем они есть в действительности, крушения гитлеризма. Наконец, прочитав в рукописи его большую работу "Развитие стратегии от Клаузевица до наших дней", я обрадовался его большому интересу к военной теории и решил использовать его в

этой области в Известиях, в виду роста военных дел. Весь партийный облик Гауса, тот факт, что он муж товарища, работающего на ответственном посту в нашей немецкой радиопередаче - жене тов. Гауса знает тов. Стецкий из Германии - наконец тот факт, что т. Гаус, работавший одно время для ~~42~~ 4-го Управления, не мог не быть достаточно освещен соответствующими нашими органами, решал для меня вопрос о использовании Гауса в "Известиях". К сожалению недостаток места не позволили нам это сделать в достаточной мере и Гаус больше печатается в органе Реввоенсовета "Красная Звезда" и в органе ПУР'а "Пропагандист РККА". Немецкие руководящие товарищи в Москве давали на мой запрос о нем самые хорошие отзывы. Это не помешало мне ~~иначе~~ немедленно после доклада т. Ягоды на последнем Пленуме ЦК попросить т. Ягоду проверить информацию о Гаусе.

Считая исключительно ценным серьезное изучение Гаусом военной теории - это первый иностранный коммунист, который этим занимается, я следил внимательно за его развитием. Но одновременно отказал ему в просьбе поддержать его ходатайство о разрешении присутствовать на маневрах Красной Армии. Я сделал это не из за недоверия к Гаусу, ибо я считаю его преданным членом партии, а из опасения, что он может возбудить при данных обстоятельствах подозрения. Считаю, что если проверка, о которой я просил т. Ягоду, не даст никаких отрицательных результатов, то ^{Гаус} ~~то~~ надо сохранить для "Известий" значение ознакомления наших читателей с развитием военной системы империалистов увеличивает ценность квалифицированного военного сотрудника. Наши советские ~~сотрудники~~ ^{сотрудники} страшно загружены практической работой и Гаус, знающий много иностранных языков, очень усердно над собой работающий, может и нам отдать услуги и подготовиться для военной работы в будущем в своем отечестве.

Я много месяцев назад указал Гаусу на необходимость получения советского гражданства и он сделал совместно с женой необходимые шаги.

з/ Спектатора мы держим как консультанта по международной экономике. Статей его почти не печатаем из за разных его теоретических вывихов. Пользуемся им как добросовестным знатоком фактов и статистики.

2. "Известия" имеют следующих корреспондентов за границей.

а/ Бухарцев, посланный с разрешения ЦК в Берлин. Не сумел преодолеть трудностей нащупания действительного пульса жизни фашистской Германии, но дал нам все-таки ряд важных очерков и снабжает нас хорошей дипломатической информацией. За принадлежность к каким либо уклонам не привлекался.

б/ Основной парижский корреспондент - Садуль. Знает великолепно кулисы французской политики, связан со многими буржуазными деятелями старым знакомством. В виду того, что дал себя многократно использовать Лавалем как его рупор, мы предлагали его снять, но это было отклонено ЦК из за пользы

его сообщений, которые в печать не попадали. Мы принуждены часто корреспонденции его подвергать тщательной переработке.

в/ Эренбург - является с согласия ЦК нашим раз'ездным корреспондентом. Пишет для нас тоже по вопросам культуры и искусства. Его статьи не проходят через Иностр.отдел, но Иностр.отдел, несмотря на это, часто добивался значительной переработки его статей с политической точки зрения.

г/ Дженкинс - преданный английский коммунист. Вырос значительно на посту нашего лондонского корреспондента. Но у него нет достаточного политического размаха и ему очень трудно в Лондоне работать именно китайцу, как англичанину. Те буржуазные, особенно консервативные круги, которые без стеснения общаются с русскими советскими журналистами, смотрят на английского коммуниста, работающего в советской печати, как на предателя и бойкотируют его. Я считал бы правильным передвинуть ее на лондонский пост Ромма из Вашингтона, или послать в Лондон Канторовича, который доказал на посту советского корреспондента в Китае верность нам - он беспартийный - и является знатоком англо-саксонского мира.

д/ Ромм - корреспондент в Вашингтоне. Вышел из соответствующей работы в РККА. В период разногласий по китайскому вопросу оспаривал линию партии, но, по сколько знаю, в общерусских вопросах не примыкал к оппозиции. Из партии не исключался. Был послан ТАСС-ом в Японию. Позже работал как корреспондент ТАСС -а в Париже и Женеве. Центральным Комитетом был предоставлен "Известиям" как корреспондент для Вашингтона. Добивался многократно возвращения в СССР. Эти его просьбы, как и наше желание перенести его в Лондон, наталкивались на упорное сопротивление нашего полпреда в США, в виду большого уважения, которое Ромм завоевал себе там. Ромм является хорошим знатоком дипломатических отношений во всех странах, в полном объеме и очень усердно изучает рабочее движение за границей. В виду его расхождений с партией в 26 г. по китайскому вопросу, я во время моего пребывания в Женеве во время пребывания Ромма в Москве не только многократно разговаривал с ним на партийные темы, но и вообще присматривался к нему, внимательно. Ничего возбуждающего во мне сомнения я не заметил. Должен его лучше знать т. Берзин, бывший начальник 4-го Управления.

3. Моя работа как ответственного за Иностраный отдел члена коллегии состояла а/ в намечении тем статей и авторов, в предварительном чтении ~~всех~~ материала статей, б/ в ежедневном инструктаже отдела, в

в связи с партийными инстанциями и советскими ведомствами по вопросам внешней политики. Что касается управления отделом /распределение работы, литературная правка статей, способ размещения материала и подбор технического аппарата/, то это находилось в руках заведующего отделом. Технический аппарат у нас сложный из за иностранных корреспондентов и сотрудников. Из технического аппарата я знаю хорошо гг. Бандаса и Мирова. Бандас старейший и исключительно добросовестный сотрудник, заслуживающий полного доверия, как и Мирова - жена б. заведующего Омсом ИККИ - Абрамова.

4. Мои выводы: Иностраный отдел, несмотря на указанные недостатки здоров в своей партийной и советской части. Не говорю о той части технического аппарата, с которой я мало знаком. Единственное изменение в составе Отдела надо, по моему, сделать по отношению к Ралову, если следствие докажет виновность его брата и возбудит сомнения насчет его самого. Усилить московский ~~каж~~ аппарат Иностранного отдела не надо. Усиления требует корреспондентская сеть.